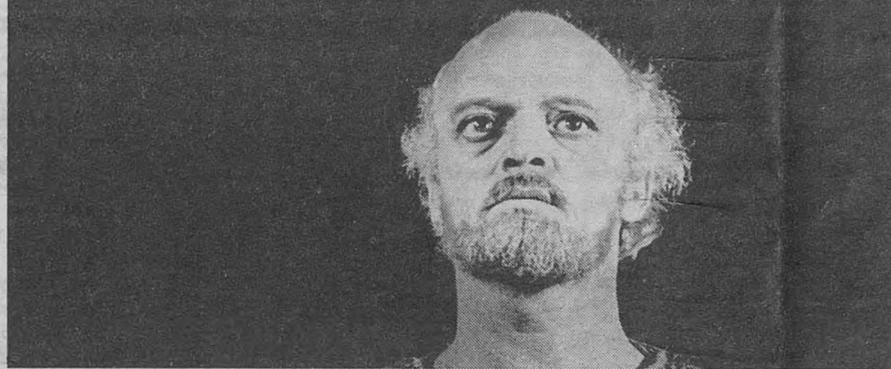
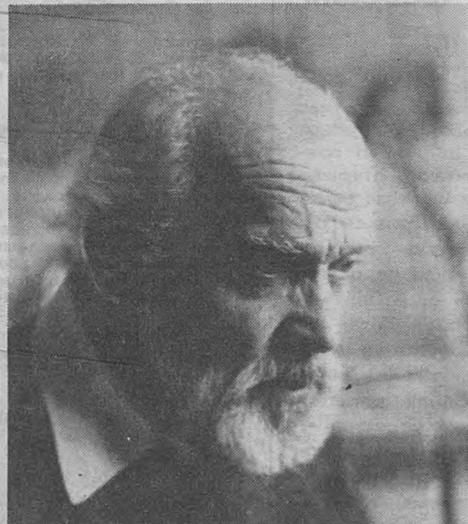

Экран и сценарий (приложение
к сов. кинотеатру)
1990. — апрель (№5) — с. 16

ЛИЧНАЯ

ЖИЗНЬ

ЭО

БЕЛЫЕ ШАРИКИ НА ДНЕ МЕШКА

— И тогда я, маркиз де Сад, говорю в зрительный зал: «Неужели ты не понял, Марат, что твоя революция ведет к обезличиванию человека. Зачем это море крови?»

Зрители замирают. Это про них, про нас...

Горьковский театр драмы ставит пьесу Петра Вайса «Марат—Сад». В роли Маркиза—Вацлав Янович Дворжецкий.

Ему 80 лет. На пять меньше, чем сыгранных фильмов. Не очень благосклонная судьба, не самые лучшие фильмы. «ТАСС уполномочен заявить», «На исходе ночи», «Конец операции «Резидент» — конечно, было заманчиво эксплуатировать дворянскую осанку в средней руки детективах и приключенческих картинах, но...

А жизнь актера не только в ролях. Сыновья тоже актеры. Младший—Евгений играет в Центральном детском театре и снимается в кино. Старший—Владислав Дворжецкий. Фотографии по стенам. Неправда, что время дает забвение, оно лишь облегчает боль.

— Для меня он и сейчас где-нибудь на съемках. Жизнь беспощадна и движется вперед. Можно, конечно, все взвалить на время, но можно и разделить ответственность вместе с ним. Я винова, я виноват,— звучит спокойно голос очень уставшего человека.— Я отсидел десять лет и вернулся, чтобы родился Владик. Владика было два года, когда меня снова взяли. Я не мог ему дать благополучную жизнь. Он голодал. Мать, уходя на работу, запирала его одного в комнате, а возвращалась — ребенок от голода ел мыло! Она говорила ему, что отец на фронте, а мальчишки во дворе кричали: «Твой отец — шпион».

Вацлав Янович родился в Киеве в дворянской семье. Успел поучиться в Кадетском корпусе. Закончил в один год (1929) политехнический институт и театральную студию. Они жили священными идеалами Гуманизма. И, может быть, отсюда это ощущение собственного достоинства, уважение к людям? Группа освобождения личности — ГОЛ, Банда рыжих, литературное общество, где декламировали свои стихи. Читали в подлинниках Шопенгауэра, Спенсера, Гегеля. В 1929 году, когда его арестовали, они играли выпускной спектакль «Гибель надежды». Никто еще не знал, насколько это было символично.

— Как-то Черчилль в беседе со Сталиным ужаснулся тысячам погибших под Сталинградом. Знаете, что сказал Сталин? «Статистика». (В 1929 году Вацлава Дворжецкого тоже включили в «статистику»).

— Было очень тяжело. Беломорканал, свинцовые, угольные шахты. После убийства Кирова добавили еще два года. Потом выпустили, потом снова посадили. Но пятнадцать лет лагерей мне

помогли вынести ощущение своей независимости и моя внутренняя свобода. Я актер. Я могу представить себя в предложенных обстоятельствах. Энгельс был в чем-то прав, говоря об осознанной необходимости. У меня была одна необходимость, одна большая цель — выжить. И остаться человеком. Меня заставляли рыть котлован, а я представлял себе, что ищу клад. И я знал, что самое страшное — отчаяться, потому что это означало — СМЕРТЬ. Представьте: юноша девятнадцати лет, романтик, волосы до плеч отросли, пока сидел 15 месяцев в одиночке. Приходит переводить меня в общую камеру, заставляют подстричься — я ни за что. Вот пусть приходит ко мне парикмахер и спросит: никто не хочет подстричься? Я, может быть, соглашусь. Эти волосы я завернул потом в бумагу и передал матери, она их хранила 20 лет.

Он был геологом, бурильщиком, мастером-поисковщиком. (На острове Вайгач есть речка, названная его именем). И оставался актером «театра ГУЛАГа», где играли «Живгазету». Тогда в вонючем бараке, пропитанном запахом потных ватников, среди пара и грязи, освещенные лишь двумя фонарями «летучая мышь», люди оживали.

— Жизнь,— говорит Дворжецкий,— это мешок, в котором лежат черные и белые шарики. И их обязательно поровну. Если ты опять вынул черный, не стоит огорчаться, за ним последует белый. Я всегда говорю себе: не страшно, когда идут одни черные. Значит, на дне мешка больше белых.

Он вышел летним вечером на сцену Московского дома кино с неистребимой осанкой старого офицера. В тот скорбный и торжественный вечер, когда Майя Булгакова сказала в память о его сыне Владиславе Дворжецком: «Если бы и вправду был Божий Суд и все мы со своими грехами и недостатками пришли бы на него, Бог взял бы Владика за руку, все бы ему простил за муки его при жизни и взял бы в советчики про нас про всех, которые живы и предстанут перед Господом Богом»...

«Хожу потихоньку, сердце ношу, а не хожу», — записал Владислав Дворжецкий перед самой смертью. Он жил, чувствуя сердце. Владислав ушел из жизни в тридцать девять лет. Он обманул судьбу — она отпустила ему так мало, но в краткий промежуток он сумел наполнить ее бесконечностью. Он работал акушером на Сахалине и актером. Играл генерала белой гвардии и опасного преступника, пилота из будущего и святого.

— Я хотел бы сыграть в «Бесах» Достоевского,— говорит Вацлав Дворжецкий.— Почувствовать философию, которая раскрывает сущность действительности, природу человеческой гадости.

Бог и дьявол. Я думаю все-таки, что Бог — внутри человека, а дьявол снаружи. И это такая же закономерность, как день и ночь.

Вацлав Янович снялся недавно у Василия Пичула в новом фильме «В городе Сочи темные ночи». Играет одну из главных ролей в экранизации пьесы «Дело» А. Сухово-Кобылина и священника в фильме «Светик» по повести Владимира Маканина.

— Картина «Светик» — рассказ о девушке, которая спекулирует книгами. Она узнает, что у священника в дальнем селе есть старинные ценные книги и приезжает туда, чтобы выманить их у него, обмануть. Но, знаете ли, есть люди, прожившие долгую жизнь, которые все видят, все знают. Такой человек идет по улице и представляет, кто есть кто из встречных. И редко ошибается. Мой герой отвечает на брошенный камень — хлебом, отдает этой девочке книги. А она, этот человек с толстой кожей, потрясена. И это начало перерождения, оздоровления ее души.

Воспитанная своим временем, я спрашиваю недоверчиво: «Неужели вы в такое верите?»

— Многие смеются надо мной, когда я говорю, что у каждого человека есть совесть,— отвечает Вацлав Янович.— Понимаете, любой может быть и героем, и негодяем. Все зависит от того, какую струну в нем задела. Задетая и зазвучит.

Энергичен, снимается в кино, играет в театре. Живет в Горьком, он здесь председатель Общества ветеранов сцены, а недавно выбран кандидатом в депутаты горсовета. Заступается за кого-то, летает из Горького в Ялту, из Ялты в Москву и обратно.

— За прожитые годы дорога к Храму стала достаточно извилистой. Обязанность тех, кто жив, восстановить ее. Я был совсем маленьким. Мне было пять лет. Меня ввели в кондитерскую, которая принадлежала моему отцу. Заметьте, в ней было запрещено угощать меня. Очаровательные девушки, которые работали там, чуть не на руках меня носили. Подарили коробку из-под конфет, которая больше подходила для дорогих духов — желтые розы по бархату. Я был в восторге. Сам нес ее до дома. И вот в подворотне навстречу нам идет девочка. Я протягиваю ей коробку и говорю: «Хочешь?» У нее в глазах радость до слез. И тогда я поворачиваюсь и убегаю. А дома — в рев.

Спрашиваю и чувствую себя ужасно глупо: «Вы так и не отдали ей эту коробку?» Он отвечает нервно:

— Нет! Мы потом искали девочку, но не нашли.— Потом, успокоившись, задумавшись, добавляет: — А я ищу эту девочку. Ищу всю жизнь.

Марина БОРЩЕВСКАЯ.